

**ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА МИРА.
РАБЫНЯ ЛЮБВИ. КТО ОНА?**

Она была последней из великой восемнадцатой династии фараонов, племянницей блистательной Нефертити. Когда-то их род купался в благословении Ра. Они были богами, сошедшими на землю. Но век правителей недолог. Нефертари чувствует себя изгоем, живя при дворе нового фараона – Сети I. Ее считают вероотступницей, как и ее семью. И лишь юный и пылкий Рамзес питает к ней нежные чувства. Она всегда была рядом, пряча в сердце любовь. Но судьба дарует ей шанс начать борьбу за право стать женой Рамзеса. Он – смысл ее жизни. А кто для него она?..

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6884-5

9 786171 268845

МИШЕЛЬ
МОРАН

НЕФЕРТАРИ
ЦАРИЦА-ЕРЕТИЧКА

МИШЕЛЬ МОРАН

НЕФЕРТАРИ
ЦАРИЦА-ЕРЕТИЧКА

MICHELLE MORAN

THE HERETIC
QUEEN

A NOVEL

BROADWAY PAPERBACKS
NEW YORK

МИШЕЛЬ МОРАН

НЕФЕРТАРИ ЦАРИЦА-ЄРЄТИЧКА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
М79

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
“Writers House LLC” и “Synopsis Literary Agency”

Переведено по изданию:
Michelle Moran. *The Heretic Queen : A Novel* / Michelle Moran. —
New York : Broadway Paperbacks, 2009. — 416 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

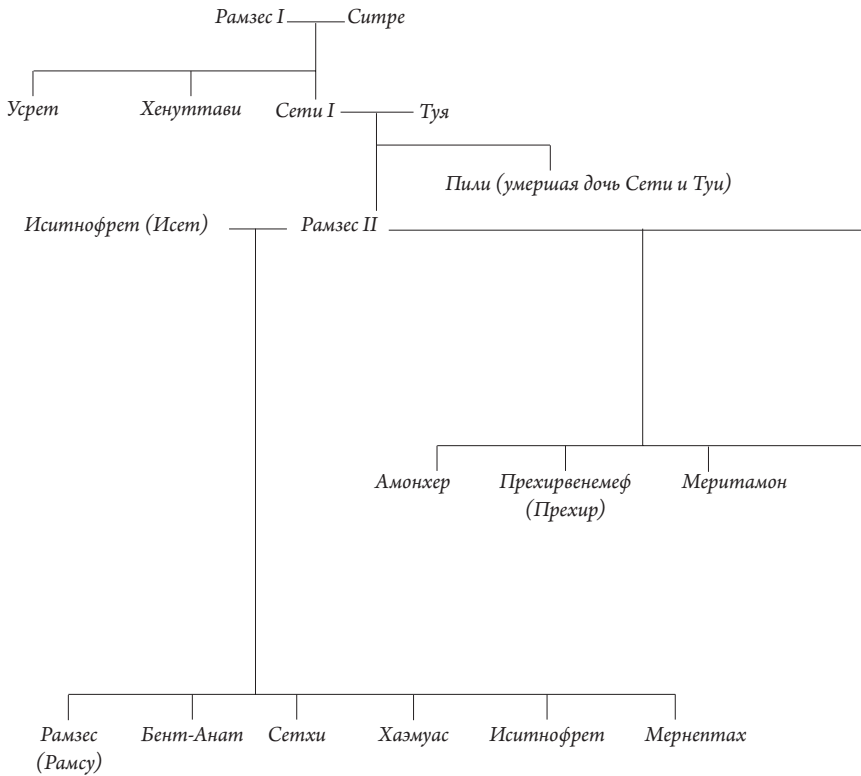
Дизайнер обложки *Алексей Майборода*

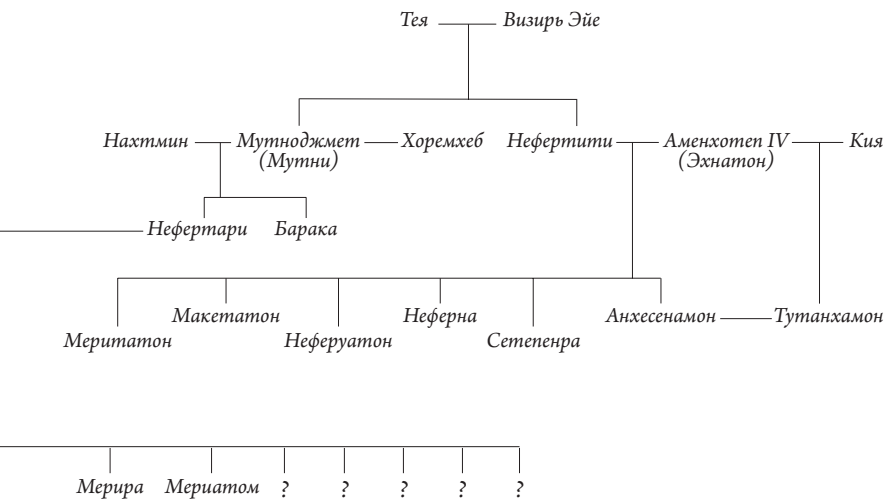
ISBN 978-617-12-6884-5
ISBN 978-0-307-38176-7 (англ.)

© Michelle Moran, 2008
© DepositPhotos.com / dimabl,
kopitin, Subbotina, magann,
Kokhanchikov, hecke06, об-
ложка, 2019
© Nemiго Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2019

Мой маме, Кэрол Моран, посвящается.
Без тебя ничего этого никогда бы не было.

Девятнадцатая династия

Предисловие автора

В эпоху правления Восемнадцатой династии случился такой период, когда над Древним Египтом безраздельно властвовала семья Нефертити. Она и ее муж свергли прежних египетских богов и стали поклоняться таинственному и загадочному богу солнца Атону. Даже после того, как Нефертити умерла и ее объявили еретичкой, страной продолжала править ее дочь Анхесенамон вместе со своим приемным сыном Тутанхамоном. Когда Тутанхамон скончался от некоей инфекции в возрасте примерно девятнадцати лет, на трон взошел отец Нефертити — Эйе. С его кончиной, которая последовала всего лишь через несколько лет, единственным отпрыском царской фамилии осталась младшая сестра Нефертити — Мутноджмет.

Зная, что по своей воле Мутноджмет никогда не согласится претендовать на власть, военачальник Хоремхеб силой взял ее в жены, намереваясь придать видимость законности своим притязаниям на трон Египта. Эта эпоха завершилась тем, что Мутноджмет умерла при родах, после чего началась Девятнадцатая династия, когда Хоремхеб передал трон своему полководцу Рамзесу I. Но Рамзес I на тот момент был уже стариком, и после его смерти власть перешла к его сыну — фараону Сети.

Итак, наступил 1283 год до н. э. Ушли из жизни все члены семьи Нефертити, и единственным ее представителем осталась дочь Мутноджмет, Нефертари, сирота при дворе Сети I.

Пролог

Почему-то я уверена, что если мне удастся забиться в тихий и укромный уголок, подальше от придворного шума и суеты, то я смогу вспомнить картины из своего раннего детства, еще до того, как мне исполнилось шесть лет. В общем-то, даже сейчас в памяти у меня сохранились смутные образы: например, низкие столы с ножками в виде львиных лап, попирающих полированные каменные плиты. До меня до сих пор доносятся ароматы кедра и акации из открытых сундуков, в которых няня хранила мои любимые игрушки. А еще я нисколько не сомневаюсь в том, что если бы провела в приятном безделье целый день в роще платанов, то наверняка сумела бы представить наяву, как под звуки систрумов¹ во дворе воскуряют благовония. Но все они остаются лишь смутными образами, увидеть что-либо сквозь которые столь же трудно, как и сквозь тяжелую льняную пряжу, и первым моим по-настоящему отчетливым воспоминанием остается Рамзес, рыдающий в полутемном Храме Амона.

Пожалуй, я умоляла его взять меня с собой в ту ночь, но, скорее всего, моя нянька была слишком занята у постели принцессы Пили, чтобы заметить мое исчезновение. Но я хорошо помню, как мы шли по молчаливым чертогам Храма Амона и лицо Рамзеса было как у женщин с картины, на которой они умоляли богиню Исиду о милости. Мне было шесть лет от роду, и обыкновенно я болтала без умолку, но в ту ночь отчетливо понимала, что должна хранить молчание. Изредка я посматривала наверх, на нарисованные лики богов,

¹ Пояснения к реалиям Древнего Египта см. в Глоссарии в конце книги. (Здесь и далее примеч. ред.)

сменявших друг друга в мерцании наших факелов, и, когда мы подошли ко внутреннему святилищу, Рамзес впервые заговорил со мной:

— Оставайся здесь.

Я повиновалась и отступила в тень, а он приблизился к возвышавшейся над нами статуе Амона. Бога освещали зажженные лампы, расположенные полукругом, и Рамзес преклонил колени перед творцом жизни. Стук сердца гулко отдавался у меня в ушах, заглушая то, что он говорил богу шепотом, зато последние слова прозвучали громко и ясно:

— Помоги ей, Амон. Ей всего шесть лет. *Прошу тебя*, не дай Анубису забрать ее. Еще рано!

У противоположной двери святилища мне почудилось какое-то движение, и шорох сандалий подсказал Рамзесу, что он здесь не один. Он встал, вытирая слезы, а я затаила дыхание, когда из темноты, подобно леопарду, выскользнул какой-то мужчина. Пятнистая шкура жреца ниспадала с его плеч, а его левый глаз рдел алым, словно лужа крови.

— Где царь? — пожелал узнать верховный жрец.

Рамзес, собрав в кулак все мужество своих девяти лет, шагнул в круг света от ламп и заговорил:

— Во дворце, ваше святейшество. Отец не отходит от моей сестры.

— В таком случае где твоя мать?

— Она... она там же, с нею. Целители говорят, что моя сестра вот-вот умрет!

— Значит, твой отец отправил *детей* вмешаться в волю богов?

Только сейчас я сообразила, для чего мы пришли сюда.

— Но я пообещал Амону отдать ему все, чего он только пожелает! — вскричал Рамзес. — Все, что станет моим в будущем.

— И твоему отцу даже не пришло в голову обратиться ко мне?

— Пришло! Он просит вас пожаловать во дворец. — Голос у Рамзеса дрогнул и сорвался. — Как вы думаете, Амон исцелит ее?

Верховный жрец шагнул вперед:

— Кто может знать об этом?

— Но я ведь преклонил перед ним колени и пообещал ему все, чего он только пожелает. Я сделал так, как мне велели.

— Ты, может быть, и сделал, — резко бросил в ответ верховный жрец. — Но сам фараон не пожелал посетить мой храм.

Рамзес взял меня за руку, и, следуя по пятам за верховным жрецом, мы вышли во внутренний двор. Запел горн, нарушая ночную тишь, а когда на зов явились жрецы в длинных белых накидках, я подумала о превратившемся в мумию боге Озирисе. В темноте разобрать черты их лиц не представлялось возможным, но когда их собралось достаточно, верховный жрец прокричал:

— Во дворец Малката!

Факелы впереди осветили нам путь, и мы шагнули во тьму. Наши колесницы помчались сквозь холодную ночь месяца *мехира* к Нилу. А когда мы переправились на другой берег и подъехали к ступеням дворца, стражники проводили нашу свиту в зал.

— Где царская семья? — требовательно спросил верховный жрец.

— В покоях принцессы, ваше святейшество.

Верховный жрец направился к лестнице.

— Она жива?

Никто из стражников не ответил, и Рамзес сорвался с места и побежал. Я поспешила за ним, боясь остаться одна в темных залах дворца.

— Пили! — выкрикнул он. — Пили, нет! Подожди!

Перепрыгивая через две ступеньки, он ворвался в покои Пили, и стражники на входе расступились перед ним. Рамзес распахнул тяжелые деревянные двери и замер на пороге. Напрягая зрение, я стала вглядываться в полумрак внутри. В воздухе стоял сильный аромат благовоний, а царица склонилась в траурной молитве. Фараон одиноко стоял в тени,

в нескольких шагах от единственной масляной лампы, освещавшей покои.

— Пили, — прошептал Рамзес. — *Пили*, — всхлипнул он, забыв о том, что принцу не полагается плакать.

Подбежав к кровати, он схватил сестру за руку. Глаза ее были закрыты, а маленькое тельце больше не сотрясали приступы кашля. С той стороны кровати, где стояла на коленях царица Египта, донесся судорожный всхлип.

— Рамзес, прикажи звонить в колокола.

Рамзес поднял глаза на отца, словно надеясь, что фараон Египта может заставить смерть отступить.

Фараон Сети кивнул:

— Ступай.

— Но я пытался! — выкрикнул Рамзес. — Я молил Амона.

Сети пересек комнату и одной рукой обнял Рамзеса за плечи:

— Знаю. А теперь иди и скажи: пусть начнут звонить в колокола. Анубис взял ее к себе.

Со своего места я видела, что Рамзес не решается оставить Пили одну. Она всегда боялась темноты, как и я, а теперь наверняка испугалась бы и бурных рыданий. Он заколебался, но голос его отца был тверд:

— *Иди*.

Рамзес опустил взгляд на меня, давая понять, что я должна сопровождать его.

Во дворе под перекрученными ветвями акации сидела старая жрица, держа в морщинистых руках бронзовый колокольчик.

— Ко всем нам когда-нибудь придет Анубис, — сказала она, и пар от дыхания призрачными клубами вырывался у нее изо рта.

— Но не за теми, кому исполнилось всего шесть лет от роду! — воскликнул Рамзес. — Особенно после того, как я молил Амона сохранить ей жизнь.

Старая жрица хрипло рассмеялась.

— Боги не слушают детей! Какие великие дела ты совершил, чтобы Амон услышал тебя? Какие войны выиграл? Какие монументы воздвиг?

Я спряталась за спину Рамзеса, стараясь укрыться в тени его плаща. Мы оба замерли.

— Где мог Амон услышать твое имя, — требовательным тоном продолжала жрица, — чтобы различить его среди тысяч тех, кто умоляет его о помощи?

— Нигде, — долетел до меня шепот Рамзеса, и старая жрица решительно кивнула.

— Если боги не смогут узнать ваших имен, то никогда не услышат и ваших молитв, — предостерегла она.

Глава первая
Фараон Верхнего Египта

Фивы, 1283 год до н. э.

— Стойте смирно, — велел мне Пазер.

Хотя он был всего лишь моим наставником и не мог приказывать принцессе, я знала, что в случае неповиновения мне предстоит переписать несколько лишних строчек. Я перестала переминаться с ноги на ногу и замерла в своем расшитом бисером платье вместе с другими детьми из гарема фараона Сети. Но в тринадцать лет я отличалась изрядной непоседливостью. Кроме того, отсюда мне был виден лишь позолоченный пояс женщины, стоявшей впереди меня. Ее облачение из белого полотна покрывали большие пятна пота, который стекал по ее шее из-под парика. Как только мимо нас в составе царской свиты пройдет Рамзес, придворные смогут спастись от жары, последовав вслед за ним в прохладу храма. Вот только процессия двигалась ужасно медленно. Я подняла глаза на Пазера, который высматривал, как бы половчее пробраться в первый ряд толпы.

— Теперь, когда Рамзес стал соправителем, он больше не будет учиться с нами? — поинтересовалась я.

— Да, — рассеянно отозвался Пазер. Взяв меня за руку, он стал проталкиваться сквозь людское море. — Дорогу принцессе Нефертари! Расступись!

Женщины с детьми подались в стороны, и мы наконец оказались на самом краю широкой дороги. Вдоль Аллеи Сфинксов, на всем ее протяжении, курились благовониями высокие кувшины, наполняя воздух священным ароматом *кифи*, отчего сегодняшний день должен был непременно стать успешным

и благоприятным. Медные звуки горнов заполнили собой все пространство улицы, и Пазер вытолкнул меня вперед.

— Приближается принц!

— Я вижу принца каждый день, — неожиданно для себя самой сказала я.

Рамзес был единственным сыном фараона Сети, и теперь, когда ему исполнилось семнадцать, детство его осталось позади. Больше не будет совместных занятий в *эдуббе*, школе писцов, как и совместной охоты после обеда. Посему его коронация не вызвала у меня особого интереса, но когда он появился вдали, даже я затаила дыхание. Начиная с широкого темно-голубого воротника, облежавшего его шею, и до золотых браслетов на щиколотках и запястьях, тело его было сплошь покрыто драгоценными камнями. Его рыжие волосы сияли на солнце подобно начищенной меди, а на поясе висел тяжелый меч. Тысячи египтян дружно подались вперед, чтобы получше рассмотреть его, а когда Рамзес проходил мимо в составе процессии, я потянулась, чтобы дернуть его за волосы. Хотя Пазер сердито ахнул от неожиданности, фараон Сети рассмеялся, и шествие остановилось.

— Малышка Нефертари. — Фараон потрепал меня по голове.

— *Малышка?* — Я обиженно выпятила грудь. — И никакая я не малышка. Мне уже исполнилось тринадцать, а через месяц стукнет четырнадцать.

Мое упрямство изрядно позабавило фараона Сети, и он коротко рассмеялся.

— Ладно, ты малышка только по росту. А где же твоя непреклонная нянька?

— Мерит? Во дворце, готовится к празднеству.

— Что ж, передай Мерит, что сегодня вечером я желаю видеть ее в Большом зале. Мы должны научить ее улыбаться так же очаровательно, как ты. — Он ущипнул меня за щеку, и процессия продолжила движение в прохладные глубины храма.

— Держитесь рядом со мной, — распорядился Пазер.

— Почему? Раньше вы никогда не указывали мне, куда идти.

Толпа придворных подхватила нас и внесла в храм, и наконец-то тяжелая дневная духота осталась позади. Жрец Амона в длинном белом одеянии быстро провел нас по тускло освещенным коридорам во внутреннее святилище. Я прижала ладонь к холодным каменным плитам, на которых были высечены раскрашенные изображения богов. На их лицах навеки застыло выражение радости, словно они были счастливы видеть нас.

— Осторожнее с рисунками, — резко предостерег меня Пазер.

— Куда мы идем?

— Во внутреннее святилище.

Проход расширился и привел нас в сводчатую палату. По толпе прокатился удивленный шепот. Гранитные колонны вздымались ввысь, теряясь в полумраке, а крыша, выложенная голубой плиткой, оказалась инкрустирована серебром, имитирующим звездную россыпь на ночном небе. На разрисованном возвышении в ожидании застыли жрецы Амона, и я с грустью подумала о том, что теперь, став соправителем, Рамзес уже не будет тем беззаботным принцем, с которым я играла на прибрежных болотах. Впрочем, в школе писцов были и другие дети, и я принялась высматривать в толпе кого-либо из друзей.

— Аша! — позвала я одного из них, и, увидев меня с наставником, он принялся пробираться к нам сквозь толпу.

Как обычно, его черные волосы были заплетены в косичку, которая на охоте беспощадно колотила его по спине подобно хлысту. Хотя нередко именно выпущенная им стрела приносила нам желанную добычу, он никогда не приближался к ней первым, отчего фараон прозвал его Аша Осторожный. Но насколько Аша был осторожен, настолько же Рамзес был порывист и импульсивен. Во время охоты он неизменно стремился стать первым, даже в самых опасных случаях, и собственный отец называл его не иначе как Рамзес Безрассудный. Разумеется, это было прозвище сугубо для личного употребления, и, кроме фараона Сети, так его не осмеливался называть больше

никто. Я улыбнулась Аше, а вот Пазер окинул его далеко не дружелюбным взглядом.

— А почему ты не стоишь вместе с принцем на возвышении?

— Но ведь церемония начнется только после того, как протрубят горны, — пояснил Аша. Когда Пазер в ответ лишь вздохнул, Аша обратился ко мне: — В чем дело? Разве ты не рада?

— Чему я должна радоваться? — язвительно осведомилась я. — Тому, что Рамзес теперь все свое время станет проводить в Зале для приемов, а ты меньше через год присоединишься к армии?

Смутившись, Аша неловко поправил свою кожаную пектораль.

— Собственно говоря, если я хочу стать полководцем, то мое обучение должно начаться уже в этом месяце, — пояснил он. Но тут взревели трубы, а когда я открыла рот, чтобы запротестовать, он отвернулся. — Время!

И его длинная косичка затерялась в толпе. В храме воцарилась напряженная тишина, и я посмотрела на Пазера, который старательно избегал встречаться со мной взглядом.

— А что *она* здесь делает? — прошипел кто-то сзади, и мне не пришлось даже оборачиваться, чтобы понять: женщина имеет в виду меня. — В такой день она может только принести несчастье.

Пазер покосился на меня сверху вниз, жрецы затаили славолюбие Амону, и я притворилась, будто не услышала шепота за спиной. Вместо этого я стала смотреть, как из теней вышел верховный жрец Рахотеп. С плеч его свисала шкура леопарда, а когда он стал медленно подниматься на возвышение, дети, стоявшие рядом со мной, испуганно отвели глаза. На его лице не дрогнул ни один мускул, как у маски, застывшей в вечном оскале, а левый глаз по-прежнему оставался красным, как сердолик. Внутреннее святилище заполонил тяжелый аромат благовоний, но Рахотеп, похоже, его попросту не замечал. Он поднял вверх *хеджет*, белую корону фараонов Верхнего Египта, и не моргнув глазом водрузил ее на голову Рамзеса.

— Да смилуется великий бог Амон над Рамзесом Вторым, который сейчас стал фараоном Верхнего Египта.

Придворные разразились громкими приветственными криками, а у меня упало сердце. Я принялась обмахиваться, отгоняя от себя едкий запах духов, которыми разили подмышки женщин, а дети с трещотками из слоновой кости захлопали ими, создавая шум, который заглушил все прочие звуки в помещении. Сети, который отныне остался всего лишь правителем Нижнего Египта, широко улыбнулся. И тогда сотни придворных двинулись с места, грозя раздавить меня меж своих поясов.

— Идемте. Нас ждут во дворце! — прокричал Пазер.

Я оглянулась:

— А как же Аша?

— Он найдет вас позже.

* * *

Знатные представители царств со всех концов света прибыли во дворец Малката, дабы отпраздновать коронацию Рамзеса. Я стояла у входа в Большой зал, где каждый вечер ужинали придворные, и восхищалась сиянием тысяч масляных ламп, отблески которых плясали на отполированных плитах пола. Палата была переполнена мужчинами и женщинами в лучших *схенти*¹ и расшитых бисером платьях.

— Ты когда-нибудь видела столько людей сразу?

Я обернулась и воскликнула:

— Аша! Где ты пропадал?

— Отец велел мне зайти на конюшню, чтобы подготовить...

— Тебя к воинской службе? — Я скрестила руки на груди, и Аша, заметив, что я расстроена по-настоящему, обезоруживающе улыбнулся:

¹ Схенти — набедренная повязка, которую укрепляли на талии поясом, внешне выглядела как юбка. Схенти носили как мужчины, так и женщины всех сословий Древнего Египта.

— Но теперь я здесь, с тобой. — Он взял меня за руку и повел в зал. — Ты уже видела прибывших посланников? Держу пари, ты можешь пообщаться с любым из них.

— Я не умею говорить на языке *шасу*, — исключительно из духа противоречия возразила я.

— Зато ты знаешь все остальные языки! Не будь ты девчонкой, ты могла бы стать визирем¹. — Он окинул взглядом зал и воскликнул: — *Смотри!*

Проследив за его взглядом, я поняла, что он смотрит на фараона Сети и царицу Тую на помосте. Царицу всюду сопровождал Аджо, вот и сейчас черно-белый пес водрузил свою приплюснутую башку на колени хозяйке. Хотя эта порода собак была специально выведена для охоты на зайцев в прибрежных болотах, он никогда не отходил от своей набитой перьями подушки дальше миски с водой. Теперь, когда Рамзес стал фараоном Верхнего Египта, рядом с тронном матери появился третий трон для него.

— Значит, Рамзес будет сидеть со своими родителями, — мрачно заметила я.

Раньше он всегда ел со мной под возвышением, за длинным столом, за которым сидели самые важные придворные. Но теперь, когда его кресло убрали, я заметила, что мое собственное передвинули вплотную к месту Усрет, верховной жрицы богини Хатхор. Аша тоже заметил перемену и покачал головой.

— Жаль, что тебе нельзя сидеть рядом со мной. О чем ты станешь говорить с Усрет?

— Подозреваю, что ни о чем.

— Ну, по крайней мере, тебя посадили напротив Хенуттави. Как ты думаешь, теперь она захочет поболтать с тобой?

Все Фивы были буквально очарованы Хенуттави, и не потому, что она была одной из двух младших сестер фараона Сети, а из-за ее невероятной красоты. Второй такой девушки

¹ Визирь — термин, заимствованный из османской культуры и традиционно, хотя и некорректно применяемый для обозначения должностных лиц Древнего Египта, выполняющих функции министров.

не сыскать во всем Египте. Губы ее были тщательно покрашены в тон алым одеждам богини Исиды, а ведь носить столь яркие цвета дозволялось лишь жрицам. Будучи еще совсем маленькой, я с замиранием сердца следила за тем, как обвивается накидка вокруг ее сандалий, подобно воде, мягко расступающейся перед носом корабля. В то время я думала, что другой такой красавицы я больше никогда не увижу, и вот сегодня вечером я в который раз убедилась, что оказалась права. Впрочем, хоть мы и ели с ней за одним столом столько, сколько я себя помню, она еще ни разу не заговорила со мной. Я вздохнула.

— Сомневаюсь.

— Не переживай, Нефер. — Аша, словно старший брат, похлопал меня по плечу. — Я уверен, что вы подружитесь.

Он зашагал через зал, и я увидела, как он поздоровался со своим отцом, сидевшим за столом военачальников. «Уже скоро, — подумала я, — он станет одним из этих мужчин, которые носят свою косичку свернутой кольцом на затылке и которые ни на миг не расстаются с мечом». Аша сказал что-то отцу, и тот рассмеялся. А я вспомнила свою мать, царицу Мутноджмет. Останься она жива, это был бы ее двор, полный друзей, визирей и смеха. И тогда женщины не посмели бы перешептываться за моей спиной, потому что я была бы *настоящей* царевной, а не беспризорной принцессой-сиротой.

Я села на свое место рядом с Усрет, и принц страны Хатти улыбнулся мне. На спину ему ниспадали три длинные косички, которые носили только хетты. Поскольку он был почетным гостем, его кресло стояло по правую руку от Хенуттави. Правда, никто не вспомнил о том, что, по хеттскому обычаю, сначала хлеб предлагают самому важному гостю. Я взяла нетронутую корзинку и передала ее ему.

Он уже собрался поблагодарить меня, когда Хенуттави положила свою изящную ладошку ему на локоть и провозгласила:

— Двор Египта почитает за честь принимать принца Хатти в качестве гостя на коронации моего племянника.

Визирь, как и все сидящие за столом, подняли свои кубки, но когда принц медленно ответил что-то на хеттском, Хенуттави

рассмеялась. Однако в том, что он сказал, не было ничего смешного. Он окинул взглядом стол в поисках помощи и, не найдя ее, посмотрел на меня.

— Он говорит, что хотя сегодня счастливый день, он надеется, что фараон Сети проживет еще много лет и не слишком скоро оставит Рамзесу трон Нижнего Египта, — перевела я.

Хенуттави побледнела, и я моментально поняла, что, заговорив, допустила непоправимую ошибку.

— Умная девушка, — на ломаном египетском сказал принц.

Но Хенуттави лишь зло прищурилась в ответ:

— *Умная?* Даже попугая можно научить подражать звукам человеческой речи.

— Перестаньте, жрица. Нефертари очень умна, — вмешался визирь Анетро. — Никто из нас не вспомнил о том, что нужно передать хлеб принцу, когда он сел за стол.

— Еще бы ей не вспомнить, — огрызнулась Хенуттави. — Скорее всего, этому научила ее тетка. Если я правильно помню, Царица-Еретичка так сильно любила хеттов, что пригласила их в Амарну, и они принесли нам чуму. Мне остается лишь удивляться тому, что наш брат позволяет ей находиться среди нас.

Усрет нахмурилась:

— Это было давно. Нефертари не выбирала себе тетку. — Она развернулась ко мне. — Это не имеет значения, — мягко произнесла она.

— В самом деле? — злорадно осведомилась Хенуттави. — Тогда почему же Рамзес подумывает о том, чтобы жениться на Исет, а не на вашей *принцессе*? — Я опустила свой кубок, а Хенуттави продолжила: — Разумеется, я понятия не имею, чем займется Нефертари, если не станет женой Рамзеса. Быть может, тебе стоит забрать ее к себе, Усрет. — Хенуттави перевела взгляд на свою младшую сестру, верховную жрицу богини Хатхор, небесной коровы, родившей Солнце. — Я слыхала, что твоему храму нужны хорошие телки.

За нашим столом раздались сдавленные смешки, и Хенуттави взглянула на меня так, как змея смотрит на свой обед.

Усрет откашлялась:

— Не понимаю, как наш брат до сих пор тебя терпит.

Хенуттави протянула руку принцу хеттов, и оба встали, чтобы присоединиться к танцующим. Когда заиграла музыка, Усрет наклонилась ко мне:

— Отныне ты должна быть осторожной в присутствии моей сестры. У Хенуттави много влиятельных друзей при дворе, и потому она запросто может погубить тебя в Фивах, если захочет.

— Из-за того, что я переводила для принца?

— Из-за того, что у Хенуттави есть свой интерес в том, чтобы Исет стала старшей женой, а одно время поговаривали, будто Рамзес хотел предложить эту роль тебе. Я бы сказала, что это маловероятно, учитывая твоё прошлое, но моя сестра была бы более чем счастлива, если бы ты исчезла. Если ты собираешься и дальше выживать во дворце, Нефертари, я предлагаю тебе подумать о своем месте в нем. Сегодня закончилось детство Рамзеса, а твой друг Аша скоро станет военным. И что ты будешь делать дальше? Ты родилась принцессой, а твоя мать была царицей. Но потом твоя мать умерла, а с ней и твоё место при дворе. У тебя не осталось никого, кто мог бы наставлять тебя, и поэтому тебе позволено бегать без присмотра, охотиться с мальчишками и таскать Рамзеса за волосы.

Я невольно залилась краской. А ведь я-то думала, что Усрет на моей стороне.

— Да, фараон Сети полагает, что это очень мило и забавно, — продолжала она. — И ты тоже. Но уже через пару лет подобное поведение перестанет выглядеть очаровательным. И что ты станешь делать, когда тебе исполнится двадцать? Или даже тридцать? Когда все то золото, что ты унаследовала, будет истрачено, кто станет содержать тебя? Неужели Пазер даже не заикнулся тебе об этом?

Я прикусила губу, чтобы она не дрожала.

— Нет.

Усрет выразительно приподняла брови:

— И *никто* из твоих учителей тоже?

Я покачала головой.

— В таком случае тебе предстоит еще многому научиться, каким бы беглым ни был твой хеттский.

* * *

Тем вечером, когда я раздевалась перед сном, нянька обратила внимание на несвойственное мне молчание.

— Как? Вы не практикуетесь в языках, моя госпожа? — Она налила теплой воды из кувшина в таз, а потом положила рядом полотенце, чтобы я могла умыться.

— Какой смысл практиковаться? — возразила я. — Где я смогу применить свои знания? Это визири учат языки, а не принцессы-сироты. И, поскольку девушка не может стать визирем...

Мерит пододвинула к себе табуретку, которая проскрежетала по плитам пола, и уселась рядом со мной, после чего принялась разглядывать мое отражение в полированной бронзе. Едва ли можно было найти другую няню, которая столь разительно отличалась бы от своей подопечной. Кости у нее были широкими, а у меня мелкими, и Рамзес шутил, что когда она сердится, то шея у нее раздувается под подбородком, словно зоб разжиревшего пеликана. У нее были широкие бедра и полная грудь, тогда как у меня вообще не было ни бедер, ни груди. Она стала моей нянькой сразу же после того, как моя мама умерла при родах, и я любила ее так, словно она была моей настоящей *мават* — матерью. И сейчас взгляд ее смягчился, когда она поняла, какие мысли не дают мне покоя.

— Ох! — Она глубоко вздохнула. — Это все потому, что Рамзес собирается жениться на Исет.

Я взглянула на нее в зеркале:

— Значит, это правда?

Мерит пожала плечами:

— По дворцу ходят такие разговоры. — Она поерзала своим могучим седалищем, и фаянсовые ножные браслеты на ее ногах мелодично звякнули. — Естественно, я надеялась, что он женится на тебе.

— На мне? — Я вспомнила слова Усрет и во все глаза уставилась на нее. — Но почему?

Она забрала у меня полотенце и выжала его над тазом.

— Потому что ты — дочь царицы, какими бы ни были твои родственные связи с Еретиком и его женой.

Она имела в виду Нефертити и ее супруга Эхнатона, изгнанного прежних египетских богов и тем разозлившего Амона. В Фивах их имена были под запретом. Их называли просто — *Еретики*, и еще до того, как я узнала, что это означает, я уже усвоила, что это очень плохое слово. И теперь я попыталась представить, как Рамзес смотрит на меня своими большими синими глазами, просит меня стать его женой, и жаркий румянец растекся по моему телу. А Мерит тем временем продолжала:

— Твоя мать наверняка хотела бы видеть, как ты выходишь замуж за царя.

— А что, если я вообще не выйду замуж? — Как знать, вдруг Рамзес вовсе не испытывает ко мне тех же чувств, что я к нему?

— Тогда ты станешь жрицей. Но ты ведь каждый день ходишь в Храм Амона и видишь, как живут жрицы, — сказала нянька, и в голосе ее прозвучали предостерегающие нотки, после чего она жестом предложила мне встать. — Там у тебя не будет ни красивых лошадей, ни колесниц.

Я подняла руки над головой, и Мерит сняла с меня расшитое бисером платье.

— Даже если я стану верховной жрицей?

Мерит рассмеялась:

— Ты уже метишь на место Хенуттави?

Я вновь покраснела:

— Нет, конечно.

— Что ж, тебе уже тринадцать. Почти четырнадцать. Самое время решать, какое место ты займешь во дворце.

— Почему сегодня все только об этом мне и говорят?

— Потому что коронация царя изменила все.

Я надела свежее платье, а когда забралась в постель, Мерит подошла и взглянула на меня сверху вниз.

— У тебя глаза, как у Тефера, — ласково проговорила она. — Они светятся в темноте. — Мой пятнистый *миф*, котенок,

пробрался ко мне под бок и свернулся клубочком, и Мерит, глядя на нас обоих, улыбнулась. — Парочка зеленоглазых красавиц, — сказала она.

— Но не таких красивых, как Исет.

Мерит присела на край моей кровати.

— Ты ничем не хуже любой девушки в этом дворце.

Я закатила глаза и отвернулась:

— Можешь не притворяться. Я прекрасно знаю, что не го- жусь Исет и в подметки...

— Исет на три года старше тебя. Через год или два ты станешь женщиной и обретешь настоящую фигуру.

— Аша говорит, что я никогда не вырасту и останусь такой же низкорослой, как карлики Сети, даже если мне сравняется двадцать.

Мерит выпятила подбородок, и пеликаний зоб у нее на шее сердито заколыхался.

— Что может знать Аша о карликах? Придет такой день, когда ты будешь такой же высокой и красивой, как Исет! А если и не выше, — осторожно добавила она, — то, по крайней мере, такой же красивой. Разве какая-либо девушка во дворце может похвастаться такими глазами, как у тебя? Они очень яркие, совсем как у твоей матери. А еще у тебя улыбка тетки.

— Я не желаю быть похожей на свою тетку, — гневно заявила я.

Но ведь Мерит выросла при дворе Нефертити и Эхнатона, так что кому, как не ей, знать о том, правда это или нет. Ее отец был влиятельным визирем, а сама Мерит оставалась нянькой детей Нефертити. Во время страшной эпидемии чумы, накрывшей Амарну, Мерит потеряла свою семью и двух дочерей Нефертити, вверенных ее попечению. Но со мной она никогда не заговаривала об этом, и я знала, что она хочет навсегда забыть то, что случилось двадцать лет назад. А еще я помнила, как Пазер учил нас тому, что верховный жрец Рахотеп некогда служил моей тетке, но я боялась обратиться к Мерит за подтверждением его слов. Вот таким и было для меня собственное

прошлое. Прищуренные глаза, шепотки за спиной и неуверенность. Я покачала головой и пробормотала:

— Я *ничуть* не похожа на свою тетку.

Мерит выразительно приподняла брови.

— Быть может, она и впрямь оказалась еретичкой, — прошептала она, — но она была величайшей красавицей из всех, когда-либо ступавших по земле Египта.

— Красивее Хенуттави? — бросила ей вызов я.

— Хенуттави показалась бы дешевой бронзовой подделкой рядом с золотой статуей твоей тетки.

Я попыталась представить себе лицо, которое было бы красивее, чем у Хенуттави, но не преуспела в этом. В глубине души я жалела о том, что в Фивах не осталось ни единого изображения Нефертити.

— И ты полагаешь, что Рамзес остановит свой выбор на Исет, потому что я родственница Царицы-Еретички?

Мерит укрыла меня покрывалом, чем вызвала возмущенное мяуканье Тефера.

— Я думаю, что Рамзес выберет Исет, потому что тебе тринадцать, а ему семнадцать. Но уже скоро, моя госпожа, вы станете женщиной и будете готовы встретить любое будущее, которое выберете для себя сами.

Глава вторая

Три строчки ассирийского письма

Каждое утро на протяжении последних семи лет я выходила из своей комнаты в царском дворце и шла к маленькому Храму Амона неподалеку. Здесь, под выложенными из известняка сводами, я пересмеивалась вместе с остальными учениками школы писцов, пока учитель Оба, шаркая ногами, поднимался по тропинке, опираясь при ходьбе на палку, которой, словно мечом, разгонял всех, кто оказывался у него на пути. В самом же храме жрецы окуривали нас священным ароматом *кифи*, и мы уходили, обоняя ежедневное благословение Амона. Раньше мы с Рамзесом и Ашей всегда бегали наперегонки к выбеленному зданию школы рядом с храмом, но вчерашняя коронация изменила все. Рамзеса с нами больше нет, а Аша наверняка придет в чересчур сильное замешательство, чтобы бегать в одиночку. Он скажет мне, что уже слишком взрослый для подобных детских забав. И уже совсем скоро он тоже покинет меня.

На пороге моей комнаты появилась Мерит, и я уныло последовала за ней в помещение для облачения, где подняла руки, пока она застегивала льняной пояс поверх моей *схенти*.

— Что вы предпочтете сегодня, мирт или шамбалу, моя госпожа?

Я равнодушно передернула плечами:

— Мне все равно.

Окинув меня недовольным взглядом, она принесла мятый крем. Ловко вскрыв алебастровый кувшинчик, она принялась толстым слоем наносить крем мне на щеки.

— Перестаньте гримасничать, — укорила она меня.

— Что?

— Когда вы так кривляетесь, то становитесь похожей на Беса.

Я спрятала улыбку. Бес был карликовым божеством деторождения, и жуткие рожи, которые он корчил, отпугивали Анубиса, так что тот не решался забирать новорожденных детей с собой в загробный мир.

— Не понимаю, чем вы недовольны, — сказала Мерит. — Вы ведь не остались одна. В *эдуббе* полно других учеников.

— Они делают вид, что дружат со мной, только из-за Рамзеса. Рамзес и Аша — мои единственные настоящие друзья. К тому же никто из девочек не пойдет со мной охотиться или купаться.

— В таком случае вам повезло, что Аша все еще остается в школе писцов.

— Это ненадолго. — Я нехотя подхватила школьную сумку, и Мерит, провожая меня к выходу из покоев, окликнула меня: — Если вы и дальше будете корчить рожи, подобно Бесу, то лишь скорее отпугнете его!

Но я была не в настроении выслушивать ее шуточки. В *эдуббу* я отправилась самой долгой дорогой, свернув в восточный проход, ведущий в тенистые дворики задней части дворца, за которыми полукругом выстроились храмы и казармы, отделяющие Малкату от окружающих город холмов. Мне частенько доводилось слышать, что дворец сравнивают с жемчужиной, надежно укрытой со всех сторон в раковине. С одной стороны его прикрывали утесы песчаника, а с другой — озеро, вырытое по приказу *акху*, моего предка, чтобы лодки, идущие по Нилу, могли подплывать к самым ступенькам Зала для приемов. Аменхотеп III выстроил его для своей жены, царицы Ти. Когда в ответ на его требование зодчие заявили, что это невозможно, он сам разработал его план. И вот сейчас передо мной раскинулось оставленное им наследие. Я медленно прошла по арене, миновала казармы с их пыльной площадкой для парадов и углубилась в квартал, где жили слуги, приземистые дома которых приткнулись вдоль высохших русел ручьев,

бегущих к западу. Выйдя на берег озера, я спустилась к самой воде, чтобы взглянуть на свое отражение.

«И совсем я не похожа на Беса, — подумала я. — Во-первых, нос у него намного крупнее моего». Я скорчила такую рожу, какую все скульпторы вырезают на статуях Беса, и кто-то за моей спиной рассмеялся.

— Ты что, любишься своими зубами? — воскликнул Аша. — Что это была за гримаса?

Я ответила ему недовольным взглядом:

— Мерит говорит, что я похожа на Беса.

Аша подошел ко мне, пытливо вглядываясь в мое лицо.

— Да, я вижу определенное сходство. У вас обоих пухлые щеки, к тому же ты маленького роста.

— Прекрати!

— Это же не я корчил рожи! — Мы зашагали к храму, и он поинтересовался: — Мерит рассказала тебе вчерашние новости? Скорее всего, Рамзес женится на Исет.

Я отвернулась и ничего не ответила. Месяц *тот* выдался жарким, и солнечные лучи падали на гладь озера подобно золотистой рыбацкой сети.

— Если Рамзес собрался жениться, — проговорила я после долгого молчания, — то почему сам не сказал нам об этом?

— Быть может, он еще до конца не уверен в своих чувствах. К тому же последнее слово остается за фараоном Сети.

— Но ведь она решительно не годится в жены Рамзесу! Она не умеет ни охотиться, ни плавать, ни играть в *сенет*. Она даже не умеет читать по-хеттски!

Когда мы вошли во двор, наставник окинул нас свирепым взглядом и Аша едва слышно прошептал:

— Готовься!

— Как это мило с вашей стороны, что вы вдвоем решили присоединиться к нам! — воскликнул Оба. Две сотни лиц повернулись в нашу сторону, и наставник огрел Ашу своей палкой. — Встать в строй! — Он попал юноше по задней части лодыжки, и мы во всю прыть бросились к остальным учени-

кам. — Или, по-вашему, Ра появляется на своей солнечной барке, только когда ему в голову приходит такая *блажь*? Разумеется, нет! Он всегда приходит вовремя. Каждое утро он всегда приходит вовремя, на восходе солнца!

Аша оглянулся на меня, когда, выстроившись в шеренгу, мы побрели вслед за наставником в святилище. На полу для нас были расстелены тряпичные циновки, мы заняли свои места и стали ждать жрецов. Я прошептала, обращаясь к Аше:

— Могу поспорить, Рамзес сидит сейчас в Зале для приемов и жалеет о том, что не может присоединиться к нам.

— Не знаю. Зато наставнику Оба до него не добраться.

Я прыснула со смеху в ту самую минуту, когда в класс вошли семеро жрецов, размахивая бронзовыми кадилами с благовоениями, и затянули утренний гимн Амону:

— *Слава тебе, Амон-Ра, повелитель земных престолов, старейший владыка, светоч мудрости, хранитель всего сущего.*

— *Главный среди богов, владетель истины, создатель мира наверху и внизу. Слава тебе!*

Запах благовоний заполнил комнату, и один из учеников закашлялся. Наставник Оба резко развернулся, чтобы наградить его свирепым взглядом, и я, воспользовавшись моментом, ткнула Ашу локтем в бок, поджала губы, так что они превратились в тонкую злую линию, и скорчила гримасу, передразнивая разгневанного Оба. Кто-то из учеников громко рассмеялся, и наставник моментально обернулся.

— Аша и принцесса Нефертари! — рявкнул он.

Аша метнул на меня раздраженный взгляд, а я захихикала. Но когда мы оказались снаружи, я не стала предлагать ему сбегать наперегонки к школе писцов.

— Не понимаю, почему жрецы до сих пор не вышвырнули нас вон, — сказал он.

Я ответила ему широкой улыбкой:

— Потому что мы — члены царской фамилии.

— Это *ты* принадлежишь к царской фамилии, — возразил Аша. — А я всего лишь сын солдата.

— Ты хотел сказать, сын военачальника.

— И все равно я тебе не ровня. У меня нет ни покоев во дворце, ни служанки. Я должен быть осторожен.

— Зато мы повеселились, — заявила я.

— Немного, — признал он, когда мы подошли к невысокой белой стене, которой была обнесена царская *эдубба*. Здание школы, подобно толстому гусю, водрузилось на склоне холма, и Аша замедлил шаг, когда мы оказались подле открытых дверей. — Как, по-твоему, что нас ждет сегодня? — спросил он.

— Скорее всего, ассирийское письмо.

Он тяжело вздохнул:

— Еще одна жалоба на меня, и отец меня убьет.

— Садись на тростниковую циновку рядом со мной, и я стану писать большими буквами, чтобы тебе было видно, — предложила я.

В классах *эдуббы* ученики окликали друг друга, смеялись и переговаривались, пока звук горна не возвестил начало занятий. Пазер встал перед нами, наблюдая за творящимся хаосом и не вмешиваясь, но когда через порог шагнула Исет, в комнате наступила тишина. Она шла сквозь толпу учеников, и те расступались перед ней, словно чья-то гигантская рука раздвигала их в стороны. Она опустилась напротив меня на тростниковую циновку, как обычно, поджав под себя длинные ноги, но на сей раз, когда она откинула на спину свои роскошные волосы, ее пальцы, казалось, очаровали меня. Они были длинными и сужались к кончикам. При дворе одна лишь Хенуттави превосходила Исет в искусстве игры на арфе. Быть может, именно поэтому фараон Сети счел, что из нее получится хорошая жена?

— Полюбовались и довольно, — провозгласил Пазер. — Пора приниматься за дело. Сегодня мы будем переводить два письма императора хеттов фараону Сети. Как вам всем известно, хетты пишут клинописью, то есть в ассирийской манере, а это значит, что вам предстоит перевести и переписать каждое слово из клинообразных значков в иероглифы.

Я достала из сумки чернила и перья из тростника. Когда мне передали корзинку со свитками чистого папируса, я вы-

Содержание

Предисловие автора	9
Пролог.....	10
Глава первая. Фараон Верхнего Египта	15
Глава вторая. Три строчки ассирийского письма.....	28
Глава третья. Как слушает кошка.....	45
Глава четвертая. Обычаи Хатхор.....	74
Глава пятая. Сладкий аромат инжира	105
Глава шестая. Праздник Уаг.....	114
Глава седьмая. Молитва Сехмет	135
Глава восьмая. Первая победа.....	140
Глава девятая. Просто свадьба	156
Глава десятая. Свадьба фараона начинается на воде	165
Глава одиннадцатая. Зал для приемов.....	184
Глава двенадцатая. Голодающий народ.....	200
Глава тринадцатая. Взвесить каждое сердце поодиночке	218
Глава четырнадцатая. Еще одна жизнь взамен	231
Глава пятнадцатая. Яхмос из Халдеи	237
Глава шестнадцатая. Амон оберегал нас	259
Глава семнадцатая. Кого ты ждешь?	267
Глава восемнадцатая. Восстановление истины.....	283
Глава девятнадцатая. Когти Сехмет.....	289
Глава двадцатая. В Северном море	302
Глава двадцать первая. Пи-Рамзес.....	315
Глава двадцать вторая. В Долине Спящих Царей.....	329
Глава двадцать третья. Владыка Ра.....	337
Глава двадцать четвертая. По правую руку от царя	339

Глава двадцать пятая. Под стенами Кадеша	348
Глава двадцать шестая. Тяжелый саван Пта	365
Глава двадцать седьмая. Погибнуть от клинка	371
Глава двадцать восьмая. Царем остается Пта к югу от своей стены...	391
Глава двадцать девятая. Твои <i>акху</i> всегда будут стоять рядом с моими. ...	397
Историческая справка	400
Глоссарий	405
Календарь	411
От автора	412

Літературно-художнє видання

МОРАН Мішель
Нефетари. Цариця-єретичка
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кірютська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 18.09.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно Про». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 4500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Семейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

МОРАН Мишель
Нефетари. Царица-єретичка
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 18.09.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Арно Про». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 4500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Египет, 1283 рік до н.е.

Вона була останньою з великої XVIII династії фараонів, племінницею блискучої Нефертіті. Колись їхній рід купався в благословенні Ра. Вони були богами, що зійшли на землю. Але вік правителів недовгий. Нефертарі почувається ізгоєм, живучи про дворі нового фараона — Сети I. Її вважають віровідступницею, так само і її родину. І лише юний і палкий Рамзес має до неї ніжні почуття. Вона завжди була поряд, ховаючи в серці любов. Але доля дарує їй шанс почати боротьбу за право стати дружиною Рамзеса. Він — сенс її життя. А хто для нього вона?..

Моран М.

М79 Нефертари. Царица-еретичка : роман / Мишель Моран ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-6884-5

ISBN 978-0-307-38176-7 (англ.)

Египет, 1283 год до н. э.

Она была последней из великой XVIII династии фараонов, племянницей блистательной Нефертити. Когда-то их род купался в благословении Ра. Они были богами, сошедшими на землю. Но век правителей недолог. Нефертари чувствует себя изгоем, живя при дворе нового фараона — Сети I. Ее считают вероотступницей, как и ее семью. И лишь юный и пылкий Рамзес питает к ней нежные чувства. Она всегда была рядом, пряча в сердце любовь. Но судьба дарует ей шанс начать борьбу за право стать женой Рамзеса. Он — смысл ее жизни. А кто для него она?..

УДК 821.111 (73)